

Чикаго...

Боб зашевелился, проснувшись от жжения в ране на груди. Он вдохнул стерильный воздух и медленно открыл глаза, наклоняя голову из стороны в сторону, чтобы рассмотреть окружающую обстановку. Комната была абсолютно белой, ослепительно яркой, флуоресцентная лампа светила на него с кафельного потолка.

«Я в бесплатной клинике. Какой-то парень выстрелил в меня каменной солью.»

Из коридора до него доносились голоса: две женщины разговаривали через приоткрытую дверь, их голоса были приглушенными. Доун заглянула в палату, чтобы убедиться, что с ее пациентом все в порядке.

— Я должна позаботиться об этом... — она заметила, что Боб проснулся.

— Потом, девочка. — сказал другой голос. — Ты занимаешься аквафитом в субботу?

— Планирую. Я позвоню тебе вечером.

— Угу.

— Отлично, ты проснулся. она повернулась к нему. Вошла медсестра Доун и села за компьютерный терминал в другом конце маленькой комнаты. — Мы закрываемся через десять минут, а согласно страховке, вы все равно должны уйти к этому времени...

— Я что, потерял сознание?

— Да. Положительным моментом является то, что ваша рана выглядит в основном поверхностной, хотя я представляю, что она не будет такой на ощупь, когда действие местного препарата закончится.

— Слушай... Боб... — она полностью развернула свое офисное кресло в его сторону. — Я знаю, что инстинкт подсказывает тебе уйти отсюда и найти место, где можно побыть одному...

— Я нашел. И неплохой...

— Судя по тому, как трясутся твои руки, я полагаю, что ты давно не пил.

Он посмотрел вниз. Она была права. Его руки дрожали. Он неловко подтянул их ближе к телу и потянул пальцами за манжеты пиджака, чтобы успокоить их.

— Закончились деньги и выпивка. Пошел в магазин на углу, чтобы... купить ванильный экстракт, потому что цена...

— И ты нарвался на ограбление. Мне пришлось уговаривать доктора Жирара не вызывать полицию. Это было в новостях; магазин был полностью разгромлен. Они арестовали одного из маленьких идиотов, которые грабили это место, если тебе интересно. Он потерял большую часть левой руки в результате какого-то взрыва и сейчас находится в Методистской больнице в реанимации...

— Он сделал плохой выбор. — Боб поднялся и перекинул ноги через край смотрового стола. — Теперь ему придется жить с последствиями, как и всем нам.

— Ага. Мне понятны эти чувства, Боб, но я с ними не согласна. — она кивнула, изучая его, пока он говорил. — Люди постоянно совершают ошибки, и они не должны за них расплачиваться. Мой брат Карл просидел в тюрьме восемь лет, но это лучше, чем быть мертвым, я полагаю. Моему сыну Морису не так повезло.

— У вас был сын?

— Ага. Он родился в восемнадцать лет, неожиданно. Его отец был не очень хорошим человеком, но тогда, возможно, и я тоже.

— Он был в банде?

— Мой мальчик? Нет. Он был хорошим мальчиком. Но у него были друзья, которые не были хорошими. Я пыталась оградить его от них, делала все, кроме отправки за пределы штата. Он получил пулю, когда ему было четырнадцать, только за то, что играл в баскетбол не с теми людьми. Люди совершают ошибки. Но это не значит, что они заслуживают смерти или постоянного увечья.

— Наверное, да. Подожди... четырнадцать? Значит, прошло не так уж много времени?

— Пять лет в прошлом месяце. — она поняла, насколько все еще тяжело, и сменила тему. — Владелец магазина... он сказал, что члены банды пытались его убить, но его спас человек с улицы. Официально, потому что если бы полиция спросила, ты бы ничего об этом не знал, я полагаю?

Боб пожал плечами. Она ему нравилась, но ее мир не должен был входить в орбиту его страданий.

— Для меня это новость. — сказал он.

— Я не верю тебе, не с такой раной в груди. — она улыбнулась и мягко покачала головой. — Но

ты всегда был хорошим человеком, по крайней мере, когда навещал нас. Поэтому я ничего не сказала.

— Спасибо.

— Они собираются изъять записи с камер видеонаблюдения, ты же понимаешь...

— Это выглядело довольно низкопробно. Сомневаюсь, что это поможет. У меня нет никаких записей, только пара ночей в вытрезвителе. — сказал Боб. — Не думаю, что они будут меня сильно искать.

— Угу. — она на секунду пожевала нижнюю губу, нервничая из-за вторжения в личное пространство. — Я просмотрела твое досье, пока ты был без сознания. Четыре года я лечила тебя. Четыре года порезов, царапин, язв и мелких заболеваний от воздействия стихии.

— Я благодарен. — сказал он. — Это больше, чем я заслуживаю.

— Ты не должен так жить, Боб. — она нахмурилась. Затем она осторожно взяла его за предплечье. — Я могу помочь тебе найти реабилитационный центр, где деньги не будут самым большим препятствием...

— Мне это не нужно. Я уже пробовал. Не пошло. У меня есть свой сквот...

— Сквот?

— Мой сквот. Это недалеко. Получал два квадрата в день с белком и овощами из бесплатной кухни, если я правильно помню.

— Это не жизнь, не совсем.

Она не понимала и не могла понять его решения. Он поднялся на ноги. Он поправил одежду и застегнул рубашку.

— Я должен идти. Как ты и сказала, ты закрываешься.

Она быстро встала, удивив его своей скоростью. Она положила руку на его руку. В течение многих лет никто не вступал с ним в физический контакт, разве что для обработки раны, и Боб слегка вздрогнул.

— Все в порядке. — сказала она. — Я думаю, ты знаешь, что я хочу только помочь, Боб. Тот, кто готов рискнуть, как ты сегодня... это хороший человек. Тебе всего сорок три года! У тебя еще

много лет впереди, и в жизни есть еще столько всего, что стоит...

— Не моя жизнь. — перебил он. — Некоторые из нас, мы заслуживаем именно того, что получаем...

— Я так не думаю...

— Да... но ты меня не знаешь. — упрямо настаивал Боб. — Ты не знаешь, что я сделал. Теперь... я могу идти? Пожалуйста?

— Я очень беспокоюсь о тебе. — она скрестила руки.

— Потому что ты одна из тех людей, хороших людей, которые заслуживают счастья. — он тонко улыбнулся с выражением отчаяния. — Но мой поезд сошел с рельсов давным-давно. Ты не сможешь исправить мои плохие решения, заботясь обо мне, понимаешь? Лучше и не пытаться. Я просто подведу тебя, и тебе будет больно.

— Пить... ты же знаешь, что это не выход...

— Я знаю, я пью, а потом не могу думать и могу заснуть. А потом просыпаюсь, и все болит, особенно голова. Мне нравится, что это отвлекает меня от всего, а потом я чувствую себя дерьмом из-за этого. Я убегаю, а потом расплачиваюсь, и думаю, что, может быть, каждый день, проведенный там, спасает меня на день позже в аду.

— О-ох... — её рот приоткрылся, а выражение лица было удрученным. — О-ох, Боб, так жить нельзя... — она положила утешающую руку на его предплечье, когда он поднимался.

— Не надо жалости, спасибо. — он стряхнул её. — Я должен идти. — он направился к двери, правой рукой бессознательно массируя ушибленную и разорванную грудь. — Я не могу здесь больше находиться.

Она быстро повернулась к столу с компьютером, рядом с которым лежала ее сумочка.

— Позвольте мне хотя бы дать денег, чтобы ты мог нормально поесть... — схватила она её. Она обернулась в его сторону и успела увидеть, как за ним захлопнулась дверь.